

Геннадий Фролов родился 17 декабря 1933 года в селе Чагоян Шимановского района Амурской области.

В 1976 году окончил Амурский кооперативный техникум заочно.

Работал на золотодобываче старателем, грузчиком. В настоящее время работает вахтером в городской администрации.

Печатался в «Труде», «Амурской правде», «Зеиских огнях», альманахе «Первая ночь от сотворения мира», автор повести «Доля».

Член Союза российских писателей. Член Союза журналистов России.

Геннадий Фролов

Родина

Родителей не выбирают - сказал мудрец. Родину тоже - добавляю я. Тут уж кому что выпадет: кому тропики, кому субтропики, ну а на нашу долю выпали края дикие, безлюдные. Местами, бывает, на сто километров в округе не встретишь ни души. Чуть в сторону от дороги или тропы - и пошла, потянулась без конца и края вековая глухомань, в которой ближе к ключам, низинам жмутся чапыжник, ерник, заросший осокой, болиголовом, голубичником; отвоевывает здесь свое место на жительство кочкарник. По большей части все это заболочено. Правда, в засушливые времена болота, бывает, высыхают на нет, но это только до первого дождя.

На сухих возвышенных местах обосновалась колючая братия хвойных: тут тебе и вековые сосны, и ели, и лиственницы, и пихтачи, а то и длинноиглистый, гибкий, стелющийся по земле стланик. Заросли его бывают такой гущины, что, если нужно напрямую, то и не сразу прореешься через него. Летом все это перемежается разнотравьем, разноцветьем, насыщается густым - до головокружения - дурманящим настоем жары, трав, болота, да мириадами жужжащих, нудящих, стрекочущих насекомых, которые тоже добавляют в этот знойный букет настоя и свою толику запахов. Все это - летом. А ближе к осени все, что способно воспроизводиться -заплодоносит. Тот же го-

лубичник: напитавшись за лето солнцем и голубизной неба, высветит на марях свои темно-синие, подернутые матовым налетом, ягоды. А на взгорьях забагрянятся кисти ярко-красной брусники. Поймы ключей разукрасятся тяжелыми гроздьями янтарной моховки.

А по берегам речушек завыглядывает сквозь кусты, заприманивает, запрятывает к себе вся лоснящаяся, кажется, готовая вот-вот лопнуть от полноты, перенасыщенная соком красная смородина. А еще до всей этой прелести, вкуснейшего этого богатства, заголубеет, засинеет на своих курчавых, приземистых кустах самая ранняя в наших краях ягода-недотрога жимолость, предвестница ни с какой другой не сравнимой ни по запаху, ни по вкусу - царской ягоды земляники. Поставишь в доме открытый туесок али чашку с ней, и наполнится дом божественным ароматом.

Есть на земле места красивые, есть очень красивые, есть невзрачные, серые, неуютные, холодные. Ну а наши хоть и тяжелые, суровые, но всегда в любое время года душевно прекрасные. И живностью, зверем бог не обидел края наши. Не зря же у тепличных-то, западных жителей про наши места байки ходят: будто медведи у нас среди белого дня прямо по улицам бродят. Что ж, отрицать-то не очень приходится. Было же в Зейском районе, да и не только в Зейском, и в других бывало такое, когда медведь днем то в сарай, то на летнюю кухню, а то и прямо в дом заходил. В Зейском не только зашел в летнюю кухню, но и хозяйку там порешил среди белого дня. А то с дядьми моими, с дядей Ваней, к примеру, было: косил он тогда с женой своей тетей Лизой траву на Первой Крестовке. Это в километрах десяти - одиннадцати от Соловьевска. Покосов там тогда было много и косарей соответственно. Свой покос мои скосили еще дня за три до этого. А в этот день приехали грести, стоговать уже перевернутое, высушенное сено. Завершив последний стожок, дядя Ваня пошел в березнячок (благо, рядом был) вырубить там три - четыре тоненьких березки на макушку, чтобы не раздувало вершинку стога. Тетя Лиза же наводила последние штрихи на стогу: где вилами, где граблями скубила его с боков - прихорашивала.

Крика дяди Вани она не слышала. Но какое-то предчувствие заставило ее оторваться от стога и бросить взгляд в сторону березняка. И о, ужас! Она увидела, как ее Иван, пятясь задом легонечко, из стороны в сторону помахивал топориком перед самой мордой наступающего на него медведя.

Перехватив вилы наперевес, истошно крича, она кинулась к березняку.

К лежащему Ивану Лиза подбежала уже не одна, а в компании десятка мужиков с соседних покосов, бросившихся на ее крик. Медведь был, видимо, молодой и на дядю Ваню пошел так, из простого любопытства. Когда дядя Ваня, пятясь, запнулся о кочку и упал навзничь, медведь остановился у его изголовья, поразглядывал его, посоображал над ним, решая, что это за чудо, позволившее себе задеть его по носу. Правда, легонечко, не сильно, а потому и зла у косолапого на дядю не было. Оно и понятно - молод, да и сытый к тому же. Но тем не менее во что бы обернулась в дальнейшем эта медвежья любознательность - одному богу известно. Нам же известно лишь то, что донесшиеся до медведя крики и запах такой же, какой исходил от лежащего рядом, насторожил его.

Подняв голову в сторону криков и запаха, он понял, что от бегущей и орущей

стай двуногих ничего хорошего ждать ему не приходится. А потому, глянув еще раз на лежащего, он в сердцах махнул лапой и, вихляя задом, заторопился к лесу.

Дядя Ваня после этого с год, а то и больше, в лес один не ходил. Ну а с другим моим родичем - дядей Мишой и вовсе история приключилась смешная.

Работал он тогда водителем. Ходил все больше по «северам», как сейчас сказали бы - дальнобойщиком. Тот рейс ничего особенного не предвещал. Дорога знакомая. Груз соответствовал сезону: вез свежую капусту с Большого Невера до Усть-Нюкжи.

Обычный рейс. Двигатель молотил ладно, колеса, хоть и с напрягом, но крутились ровно, с каждым оборотом подминая под себя подъем за подъемом.

Ночь... Свет фар на многие метры вперед высвечивает черную, мокрую от дождя полосу дороги. Дождь еще с вечера заморосил.

«Ну да ладно, гравийка хорошая, жесткая, к утру дотянем, поди, до места», - подумал дядя Миша, выходя из крутого поворота. И только он вышел на прямую, как тут же в полосе света увидел удирающего по дороге мишку. «Ха!.. Мясо само в руки идет», - воскликнул он от неожиданности.

«С полосы света ему не свернуть. С дороги не сойти», - уверенно решил дядя Миша.

«Сейчас я тебя, родимый, колесом...», - сказал он вслух, добавляя газу.

Расстояние между ними с каждым мгновением сокращалось.

«Еще немного, и ты - мой», - предвкушая удачу, шептали губы. Но если бы преследователь был хоть чуть-чуть внимательнее, то он заметил бы, что медведь с каждым метром, сантиметр за сантиметром, забирал вправо, уверенно приближаясь к обрывистому краю дороги. И вот, когда, казалось, что шкура уже в руках, медведь вдруг резко соскользнул передними лапами с дороги вниз и застыл в позе зенитки с поднятым стволом - задние остались на осыпающейся кромке дороги. Дядя Миша чуть не взывал от отчаяния. Еще бы - вот она, добыча - рядом, а не взять. Пришлось в каком-то метре от «зенитки» тормозить и останавливаться. Иначе не миновать бы пропасти.

А что удивительного? Дорога мокрая, гравийка с глиной, - чуть взял правее, а там и край, того и гляди, сползешь с кромки. Тогда не только костей, но и колес не соберешь. В общем, вытащил мой дядька кисет, дрожащими руками свернулся самокрутку, сделал пару затяжек и только тогда, открыв дверцу, встал на подножку.

Вот он, лохматый окорок, рядом, а не возьмешь. А ведь хотел же перед рейсом поменять в патронах дробь на жаканы. Так нет - поленился...

Вот и получай теперь Мишкину радость. Ружье-то, вот оно, за спиной. Да только толку?

Медведь, между тем, стоял, не шелохнувшись, все в той же позе.

И тогда, не придумав ничего лучше, дядя Миша вытащил из кузова большой вилок капусты и изо всей силы, что было мочи, запустил им по жирному заду хозяина тайги. Медведь будто этого и ждал. Словно выстрелянный из пушки, ломая все на своем пути, он кубарем пошел вниз. «Улю-лю-лю...», - перекрывая шум катящегося медведя, протяжно закричал ему вслед дядя Миша. «Живи дол-го, косола-пы-й...», - еще протяжнее неслось над тайгой в ночи.

После этого рейса дядя Миша не раз по нашей просьбе рассказывал эту историю. И мы, пацаны, каждый раз, хватаясь за животы, катались по полу от смеха! Еще бы! Капустой - хозяина тайги!.. Когда в памяти всплывают эти эпизоды, вспоминаются и эти минуты веселого, заливистого, неуемного детского смеха, минуты детского счастья...

Самому мне с медведем в лесу встречаться не доводилось. А вот с серым первая встреча произошла не в зоопарке. Еще пацанами мы, четыре брата, пошли с санями в лес по дрова. Дорога прямо от школы шла в гору. Идем... Болтаем, хохочем над чем-то. Вдруг Юрка, самый младший из нас: «Смотрите, собака». Мы оглянулись. Точно, но не собака, а волк. Рослый, поджарый, ухоженный, видимо, молодой еще, не иначе, как к свадьбе приготовился. А было время их свадеб. Мы оцепенели, молча стояли друг против друга. Первым опомнился Виктор и закричал: «Кричите громче, это же волк, он шума боится».

И тогда мы подняли такой гвалт, что его не выдержала бы и стая волков. Есть выражение - «волчьи ребра», что это такое, я только тогда понял, потому что хорошо помню, как волк, оглядываясь назад, не крутил шеей, а поворачивался как бы всем корпусом: скосит в сторону, отступит на шаг, потом в другую - опять шаг назад. И так, медленно отступая, он в какой-то момент махнул через дорогу вправо и в кусты...

Мы же - тоже в кусты, только влево, к трассе - она была метрах в трехстах от дороги. Выбежав на нее, мы кинулись не вверх по ней, к дровам, а вниз, к прииску. Где-то метров за триста-пятьсот от прииска кто-то из нас оглянулся и тут же крик: «Он за нами бежит. Уже рядом». Остановившись, как по команде, мы действительно увидели его, он был в метрах десяти от нас.

Что было бы с нами, если бы в это время сверху не показалась машина?

На этот раз он не отступал и с ходу через дорогу - только его и видели.

Мы же - за сани и бегом вслед за машиной. Домой прибежали без дров, и мама, похоже, нам не поверила: «Какую-то собаку испугались и убежали, чтоб дрова не везти», - посмеивалась она. Но нет - это был волк. Я мог бы много еще рассказывать о подобных случаях с Родины моего детства. Ну хотя бы о том, как белки, убегая не то от пожаров, не то еще от какой-то напасти, шли по столбам, по заборам через прииск среди белого дня. А мы, пацаны, как варвары, гонялись за ними.

Или о том, какая у нас зима. А она только у нас такая: уж если снег - то по пояс, если мороз, то за пятьдесят. Если на лыжах, коньках или рулевушке, то со свистом! А уж румянец на щеках в это время, особенно у девчат, того и гляди, кровь с молоком брызнет.

Вот такая она, моя малая Родина. Родина моего детства. Только какая же она малая, если вобрала в себя всю твою жизнь. Если ностальгия, то только о ней. Если вдали от нее, то тяга, только к ней. Нет, малых родин не бывает.

Бывает просто Родина. И она - одна. Все остальное - место жительства, пребывание. И не более.

2.04.2003.